

Батальон мужества

АЛЕКСАНДР ★ ТАМОНУКОВ

Секретный полигон

Батальон мужества

Александр Тамоников

Секретный полигон

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Секретный полигон / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2016 — (Батальон мужества)

ISBN 978-5-699-92054-9

На засекреченном западноукраинском полигоне американские инструкторы готовят к отправке в Донбасс особо жестокую группу нацистских диверсантов. Командует ею капитан Игорь Бурковский. Однако российский секретный агент, работающий в службе безопасности Украины, успевает предупредить ополченцев Донбасса о готовящейся диверсии. Достоинство встретить нациков поручено капитану Глебу Холодову и его спецотряду ополченцев. Но вдруг что-то пошло не так. Не знавший поражений капитан Холодов вдруг начинает терпеть неудачи одну за другой. И тогда спецназовец понимает, что в штабе разведчиков ополчения завелся «крот» и информация от киевского секретного агента приходит в искаженном виде... Ранее книга выходила под названием «Диверсионная война».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92054-9

© Тамоников А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Александрович Тамоников

Секретный полигон

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*

© Тамоников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Глава 1

Майская ночь была тиха и приятна. Ее насыщали всевозможные запахи – цветущих яблонь, сирени, пряные ароматы трав. Установилось безветрие, на небе ни облачка. Словно фотограф сделал стоп-кадр – застыли звезды на темно-синем бархате неба, застыла выпуклая, словно отретушированная, луна. Ночь едва началась, но округа уже погрузилась в безмолвие. Его нарушали лишь стрекотание кузнечика под баней и ворчание неспящей птицы в лесу за оградой. За лесом проходило шоссе, по нему кто-то ездил, но толща растительности съедала звуки. В свете луны озарялась лесная опушка, гребень решетчатой ограды, угловатые контуры небольшого, но добротного особняка с волнообразной крышей. Хозяин дома явно не бедствовал – под навесом проступали очертания массивного внедорожника. Газоны, стриженная трава, поблескивала вода в выложенном голубым кафелем бассейне. На раскладном столике у воды обретались остатки вечерней трапезы, пустые банки дорогого пива. Валялись предметы нижнего белья. На спинке шезлонга красиво повис брошенный на «дальнее расстояние» бюстгальтер.

Тень промелькнула между деревьями. За ней еще одна, третья. Особняк помалкивал – окна не горели. Лающая живность на территории участка отсутствовала. Люди, пригнувшись, перебежали маленькую поляну, скапливались у решетки. Их было не меньше десятка – в черных комбинезонах, шлемах, масках, закрывающих низ лица. Вооружение группы составляли компактные автоматы чешского производства. Не по форме был одет лишь один – мужчина средних лет, плотный, с символическим волосяным покровом. Он носил бронежилет поверх клетчатой рубашки, в одной руке держал рацию, в другой – пистолет. Он негромко скомандовал. Отряд разделился на две части – несколько человек побежали в обход ограды, чтобы блокировать все выходы. Мужчина в рубашке пристегнул рацию к поясу, поднес к глазам часы с подсветкой. Практически полночь. Самое время завершать долгую и кропотливую работу. Спецназ знал свое дело – бойцы рассредоточивались по позициям. Дело происходило под Киевом – на 16-м километре Гостомельского шоссе, на краю коттеджного поселка Барсуки. Спецназ был украинский – группа «Омега», спецподразделение Национальной гвардии МВД. Идеальный инструмент для выполнения мероприятий в условиях крайнего осложнения обстановки. Личный состав имел высокую подготовку, был обучен ведению антитеррористических мероприятий, умел освобождать заложников, ликвидировать и захватывать особо опасных преступников. Действовали быстро – бесшумный резак по металлу, и штурмовая группа проникла на территорию, рассредоточилась между клумбами и кустами татарской жимолости, обросшей глянцевыми листочками.

Мужчина всматривался в темные окна второго этажа – там располагалась спальня. Где еще может быть фигурант в столь поздний час? Мужчина снял пистолет с предохранителя, перевел дыхание. Он сильно волновался, хотя старался не подавать вида. Для подполковника Романова Дмитрия Сергеевича из Управления спецопераций Генерального штаба наступал звездный час...

За спиной зашуршало – подбежал и распластался за кустом молодой капитан Дмитрий Кулик – командир отделения спецназа.

– Все в порядке, пан подполковник? – прошептал он. – Вы нервничаете. Не волнуйтесь, возьмем ренегата – моргнуть не успеет.

– Нервничаю, тезка, – пробормотал Романов, кусая губы. Пошутил немного не к месту. – Нервная система, знаешь ли, немного нервная... Все в порядке в тылу? Вроде машина подъезжала.

– Полковник Марченко прибыл – кто-то его проинформировал об операции...

– Вот черт... – ругнулся Романов. – Без него никак, в каждой бочке затычка, только его тут не хватало, чтобы все испортил... Слушай, капитан, фигурант опасен и непредсказуем – даром ли так долго рядился под своего. Держитесь за мной, поперек батьки не лезьте, я пойду первым. Уж очень хочется этого хамелеона взять своими руками.

– Но, Дмитрий Сергеевич... – проговорил молодой капитан...

– Никаких «но», – зашипел Романов. – Это приказ, Кулик. Держитесь сзади. Будут сложности – позову. Попробую с ним потолковать, если решит что-нибудь выкинуть...

Снова налажали – не удалось проникнуть в дом в условиях полной конфиденциальности. Особнячок на краю коттеджного поселка был так себе – ни лающего сторожа, ни сигнализации на пульт вневедомственной охраны. Операцию готовили экспромтом, думать было некогда. Всплыли доказательства о причастности субъекта к антигосударственной деятельности, информация о его отъезде в Барсуки – и Романов занервничал. Субъект реально непредсказуем, тянуть с арестом нельзя, может просто исчезнуть, может покончить с собой. Ацию разрекламировали, но это не его вина, главное, что успели... Дверь отжали стамеской, и Романов первым проник внутрь. Сердце колотилось. «Прикомандированный» спецназ держался сзади, повинаясь старшему, бойцы страховали подполковника. Фонарь он уже приготовил, и очень кстати – в холле было темно, как в могиле. Подполковник осмотрелся – нормальный обжитой особнячок. Подходящее место для встреч с коллегами и женщинами легкого поведения... А дальше события развивались стремительно, никто не ожидал такого поворота! Подполковник ВСУ устремился к лестнице – он должен был лично схватить предателя! Тысяча чертей! – что за вредитель бросил тазик под лестницей?! Оглушительно загрохотало, посудина подпрыгнула и покатила, дребезжа и подвывая! Глухой очнется от такого шума! Тишина уже была не актуальна. Романов понесся вверх, хватаясь за перила. План особняка он помнил наизусть – выручила бывшая домработница, когда-то прибиравшая жилище дважды в неделю. Он взлетел на галерею второго этажа, безошибочно прошел наискосок. И когда вламывался в спальню, там включили свет – очнулись, задержались обитатели! Тем лучше, не надо лишних движений и потерянных секунд. Картина маслом – роскошный «сексодром» посреди комнаты, двое под одеялом, полный о-натюрель. Вскричала дама, одной рукой зажала себе рот, другой натягивала одеяло на горло. Партнер был старше чуть не вдвое, но форму держал – ворох жил и мускулов, в свете напольного торшера поблескивали залысины. Его лицо свело от страха, но инстинкты работали – он перекатился на бок и выхватил из прикроватной тумбочки 9-мм самозарядную «беретту-92». Вторая рука судорожно нащупывала выступ затвора. Глаза распахнулись, когда он обнаружил, КТО именно ворвался к нему в спальню. Теперь они лучились не только страхом, но и изумлением.

– Вышковец, все кончено, бросайте оружие! – гаркнул Романов. Но тот и не думал – клацнул затвор, упал флажок предохранителя. Обитатель дома направил ствол на мишень. Он все понял и готов был стрелять без колебаний. Завизжала дама. Романов первым открыл огонь, вариантов не было. Его «беретта-93» была ничем не хуже – скорострельность 100 выстрелов в минуту! Он давил на спусковой крючок – собственная жизнь была на кону! Вышковец не успел произвести выстрел – пистолет выпал из руки. Первая пуля попала в плечо, вторая разбила ребро и прошла навылет. Рука тряслась от волнения, две пули вообще ушли в молоко. Вышковец рычал, дергался, как кукла. Повалился головой на подушку, но как-то нашел в себе силы подняться – а только это сделал, как комочек свинца пробил горло и швырнул обратно в койку. Девица посадила голос, но пока еще хрипела. Скатилась с кровати вместе с одеялом, забила в угол, где жалобно заскулила. Вышковец Павел Яковлевич – 50-летний подполковник Генштаба, заместитель начальника департамента контрразведки, был мертв. Кровь текла из горла, заливала кровать. В ногах валялась «беретта», из которой он так и не успел выстрелить.

У Романа подкосились ноги, он оперся о подвернувшийся шкаф. Горячий пот заливал лицо. С запозданием начинало потряхивать. Он не был боевым офицером, хотя и приходилось

участвовать в рискованных акциях – привыкнуть к такому было трудно. В спальню ворвался Кулик со спецназом. Бойцы помялись, опустили автоматы, стали переглядываться. Скулила девица в своем углу, закуталась в одеяло, как замерзший бомж в хламиду. Один из бойцов на всякий случай подошел к ней, взял на прицел до дальнейшего распоряжения. У девицы от страха чуть сердце не отключилось.

– Не надо, – бормотала она. – Не надо, пожалуйста, не убивайте...

– Пипец, отлучили... – озадаченно вымолвил капитан Кулик. – Зачем вы его замочили, пан подполковник? И кто нас теперь будет вытаскивать из этой задницы?

– Очнись, капитан, – огрызнулся Романов, облизывая сухие губы. – Что ты несешь? Не видел, как он на меня ствол наставил? – Он кивнул на валяющийся в постели пистолет. – Едва успел, он бы искромсал меня... Шустрый, гад, и как успел дотянуться?..

– Так вы сами гремели на лестнице, как слон, – мертвый бы очнулся от такого грохота... – фыркнул Кулик и осекся, перехватив тяжелеющий взгляд Романова. – Виноват, пан подполковник, ежу понятно, что это случайность... Ладно, хоть такой, но результат. Смерть предателям, как говорится...

А в целом ситуация складывалась пикантная. Оконфузилась группа захвата – и подполковник Романов во главе ее. Он смачно выругался и сунул пистолет в кобуру под мышку. Неприязненно уставился на покойника. Ладно, хоть не дали «кроту» уйти. Лично его устроит и такой результат. Он неуверенно приблизился к мертвецу, убедился в отсутствии пульса под ключицей, брезгливо отодвинулся, чтобы не задеть окровавленную простыню. Взялся двумя пальчиками за спусковую скобу пистолета, передал его Кулику. Хмуро уставился на скулящую в углу проститутку – даже во власти страха род занятий этой особы был ясен как дважды два.

– Я ни в чем не виновата! – на всякий случай пискнула путана. Где он взял такую? Популярный «институт благородных девиц» тети Сони Грушевой на Большой Любомировской улице?

– Заткнись, дура! – одернул мускулистый боец и добавил полутонем ниже: – Ну да, дорогуша. Это тебе не из торта выпрыгивать...

– А теперь к криминальным новостям? – объявил невысокий мрачноватый мужчина в штатском костюме, входя в комнату. Спецназовцы вторжению не противились, подобрались, сделали пустые глаза. Настроение у полковника Марченко – непосредственного руководителя Романова – было тоже неважное. Он взглянул на путану и пристально посмотрел на труп, укоризненно качая при этом головой. – Дмитрий Сергеевич, что это значит? Вот так феерически все просрать – это нормальный исход операции?

– Олег Янович, попрошу не оскорблять и выбирать выражения, – вспыхнул Романов. – Если я в чем-то виноват, то отвечу по каждой букве закона. Да, нам не удалось взять Вышковца живым, он оказался резвее, чем ожидалось, и все же я считаю, что операция прошла успешно, поскольку мы не дали преступнику уйти. По нашей информации, он уже готовил отход, перевел деньги в российский банк.

– Зачем убили-то? – Полковник Марченко скривился, словно челюсть свела судорога.

– Я всего лишь опередил его, – ответил Романов. – Кулик все видел, спросите у него.

Капитан Кулик сдержанно кивнул, опустив глаза.

– Это правда, пан полковник. Он бы выстрелил. Подполковнику пришлось защищать свою жизнь.

– Черт знает что творится... – Полковник Марченко соорудил раздраженную гримасу. – И что теперь прикажете делать? Объявить его живым – и пусть продолжает свою подрывную деятельность? Вы уверены на сто процентов, Дмитрий Сергеевич, что подполковник Вышковец тот самый «крот», сливающий информацию террористам в Донецке и российским спецслужбам? Тот самый парень, которого мы вычисляли почти полгода? Вы в курсе, что у подполковника была безупречная репутация, отменный послушной список...

– И он с таким же рвением, как и весь наш отдел, занимался поисками «крота», – не удержался от сарказма Романов. – Усердно отлавливал сам себя. Я убежден, Олег Янович, и все мои коллеги убеждены: Вышковец тот самый агент – невзирая на то, что выглядел лояльным работником. Он занервничал, когда мы начали сужать вокруг него кольцо. Слишком много улик, и не только косвенных, но и прямых доказательств работы на российскую разведку. Имеется протокол допроса некоего Рябовского – личного связника, – там конкретно указаны источники финансирования подрывной деятельности Вышковца и суммы выплаченных ему гонораров. А также номера банковских счетов, на которых эти гонорары прописались. Известна информация, которую сливал Вышковец. На его совести уничтожение под Горловкой разведывательной группы Лагутного, разгром отряда Куреева под Отрадным, провал нашего агента в штабе сводной Луганской бригады. И пусть вас не смущает отдаленное родство Вышковца с начальником службы тыла Министерства обороны, заслуги перед новой властью, а также то, что подполковник лично принимал участие в допросах пособников боевиков и одному из них даже сломал позвоночник. Видать, невелика была фигура. Если человек аморален, то он аморален во всем, Олег Янович. Причины, по которым Вышковец пошел на предательство, уточняются. Думаю, мы имеем дело с шантажом. Поэтому прошу вас не драматизировать случившееся. – Романов покосился на безжизненное тело на разбухшем от крови постельном белье.

– Ладно, что сделано, то сделано. – Полковник Марченко недовольно насупился. – Завтра положите рапорт на стол – почему вражеского агента не смогли взять живым. И вы, Кулик, тоже. – Он уперся тяжелым взглядом в офицера спецназа. Тот вытянулся, кивнул и не посмел возразить, хотя полковник и не являлся его прямым начальником. – И никакой рекламы, уяснили? Никаких фанфар, хвастовства перед работниками смежных ведомств. Все должно быть тихо, словно ничего не было. Продумайте, Дмитрий Сергеевич, комплекс мероприятий, проведите работу с родственниками и коллегами Вышковца. Пусть это будет автомобильная авария, внезапный сердечный приступ или... в общем, сами решите. И приберите тут. – Он брезгливо покосился на окровавленную кровать, на скорчившуюся женщину. – Проститутку не отпускать, отвезти в изолятор и допросить – не думаю, что Вышковец с ней откровенничал, но мог кое-что и ляпнуть. И не забудьте одеть ее. – Полковник Марченко усмехнулся. – А то знаю я вас...

Майская ночь уже не была такой тихой и приятной. В коттеджном поселке слышали выстрелы. Угомонились собаки, поселок замер в тревожном ожидании. Самые смелые обитатели выбирались из домов, выходили на улицу. Кто-то шел на звук. Впрочем, рослые парни с автоматами и в масках, перекрывшие дорогу, служили достаточным основанием, чтобы умерить любопытство. В разговоры они не вступали, односложно огрызались. Подъехали два микроавтобуса, в один загрузили проститутку, в другой – мертвое тело. Особняк обыскали (чисто для «галочки» – никакого компромата на себя Вышковец не хранил), закрыли на замок и опечатали. Спецназ уходил проторенной тропой – через лес. Кто-то выражал надежду, что еще удастся поспать. Подполковник Романов чувствовал себя выжатым и пустым. Закончилась многоходовая эпопея по выявлению и нейтрализации агента, поставлявшего информацию донецким террористам. Бессонные ночи, отработки абсурдных версий, гнев начальства, ни черта не смыслящего в оперативно-разыскной работе. И такая красивая комбинация, позволившая вывести агента на чистую воду! Он уходил последним, озирался на контуры погруженного во мрак особняка, словно фотографировал его в память. За лесом ждали машины. Первым убыл в столицу полковник Марченко, за ним микроавтобус со спецназом. Дмитрий Сергеевич проводил их глазами, закурил шестую за последний час сигарету. Он сидел за рулем своего подержанного внедорожника, выдыхал дым в открытое окно. Состояние было близким к трансу, конечности – ватными, такое всегда бывает, когда заканчиваешь важную работу, освобождается голова от гнета, и первое время ты в недоумении, почему не нужно ничего делать? Просто отдохнуть, расслабиться, ни о чем не думать? А такое возможно? Растворились в чреве

ночи габаритные огни. Дмитрий Сергеевич покосился на застывший за обочиной угрюмый лес и включил зажигание...

В половине второго ночи он въехал в городскую черту, свернул на второстепенную дорогу к таунхаусам. Поселок располагался на берегу камышового пруда. Заскрипела щебенка под колесами. Проплывали контуры аккуратных зданий, спроектированных в стиле файверк – с характерными элементами немецкой архитектуры. Поселок спал. Романов добрался до восточной окраины, где находились одноэтажные частные строения в том же стиле. Здесь был его летний дом. Имелась еще квартира в Киеве на улице Антоновича. Закружилась голова от пронзительного запаха сирени. К нему примешивались ароматы вишни, яблони. Окраина поселка утопала в зелени. Раздвинулись ворота, и Дмитрий Сергеевич въехал на территорию участка. Он загнал машину на крытую стоянку, снова закурил. Вышел из машины и несколько минут наслаждался тишиной и покоем. В доме было тихо. Жена уехала в Винницу к сестре, обещала вернуться через неделю. Единственный ребенок обучался во Львовском политехническом институте и регулярно жаловался по скайпу на ужасы грядущей сессии. Спать на удивление не хотелось, возбуждение еще не улеглось. Подполковник погулял по дорожкам, вымощенным красным кирпичом, вырвал из грядки редиску, сполоснул ее в баке и смачно раскусил. От остроты продукта, возвращенного собственноручно, перехватило дыхание. Взрастил на свою голову. Сплюнув, поднялся на крыльцо, вошел в дом. Он бродил по пустым помещениям, смотрел, как через задернутые жалюзи по полу растекается полосатый лунный свет. Спать по-прежнему не хотелось. Недремлющая интуиция порывалась что-то сообщить. Подполковник переоделся – натянул жилетку, старое трико с провисшими коленками. Неудачное время для хозяйственных дел, но с этой работой другого времени просто нет! Он сгреб пакеты с отслужившими вещами (жена давно собрала и плешь проела: «Отнеси в сарай!»), выбрался на улицу и потащил пакеты на задворки. Сарай у Романова был знатный, просторный, мог вместить целую флотилию моторных лодок. Свет здесь можно было не включать – луна светила в единственное окно. Он чертыхался, запинаясь о разбросанные покрышки, какие-то коробки, садовый инвентарь. Не судьба навести порядок в собственном сарае. Он пристроил пакеты в свободном углу, побрел к окну, раскрыл его. Сарай упирался в поленницу – пришлось купить грузовик дров еще осенью и взять отделение солдат внутренних войск, чтобы перетащили за сарай. Даже офицеры Генштаба страдают от экономического кризиса, охватившего страну – когда в любое время без уведомления могут на неделю отключить свет, газ, воду... А жаловаться и грозить бессмысленно, будь ты хоть сам президент всея Украины! За поленницей вышлась решетчатая ограда соседнего участка, на котором в этом году никто не жил.

В пачке оставалась последняя сигарета. Он стоял у раскрытого окна, курил, ждал у моря погоды. Была глухая ночь, подкралось облако, похожее на гигантский клоч сахарной ваты, закрыло луну...

Дождя не было. Шевельнулось что-то за поленницей, образовался нечеткий силуэт. Он вырос в размерах, мастерски слился с кустарником, произрастающим у ограды.

– Доброй ночи, Семен Игнатович, – пробормотал Романов. – К вашим прочим достоинствам, вы еще и спец по маскировке. В кошку превращаться не пробовали? Гуляете по ночам, лазаете по чужим участкам. Что еще делать ночью?

Несколько мгновений визави помалкивал. Большой артист – большая пауза. Проявлялись очертания невысокого жилистого мужчины, одетого во что-то серое, неприметное. Он поводит носом, прислушался и заговорил нормальным человеческим голосом:

– Имею право, Дмитрий Сергеевич. Вы еще скажите, что ночь существует для того, чтобы спать. Вам тоже доброй ночи. Она действительно добрая?

– Вы проверили, все чисто?

– Чисто, за вами не следят, и в окрестностях вашего дома посторонние не замечены. Я торчу здесь уже долго. Надеюсь, в сарае СБУ не догадалась установить камеры видеонаблюдения?

– В доме их тоже нет, – улыбнулся Романов. – В сарае тем более. Все проверено. Мин нет, как говорится. Не думаю, Семен Игнатович, что, начиная с текущей ночи, моим коллегам будет интересно, как проводит время их сослуживец. Перелезайте в сарай, присаживайтесь, в ногах правды нет.

– Ее вообще нигде нет, – проворчал Семен Игнатович Януш – киевский связной, работающий в свободное от шпионажа время заместителем директора крупной IT-компании. – Спасибо, Дмитрий Сергеевич, я здесь побуду, если не возражаете.

«Двуликий Януш вы наш», – с невольным уважением подумал Романов. Связник обладал множеством талантов, среди которых умение обретать невидимость было не главным.

– Излагайте, Дмитрий Сергеевич. Вы дома, не под конвоем, вы способны улыбаться и даже хлопотать по хозяйству. Отсюда следует вывод, что дела не так уж плохи. Порадуйте же вашего покорного слугу.

– Вы прибыли лично, Семен Игнатович. Видимо, для того, чтобы посмотреть в мои глаза. Не доверяете техническому веку?

– Не доверяю, Дмитрий Сергеевич. Нас уверяют в стопроцентной безопасности аппаратуры, но наши оппоненты тоже кое-чему научились. Нельзя недооценивать возможности ограниченных людей, собравшихся в большие группы, улавливаете мысль? Не бывает безопасной связи, как и безопасного секса – заявляю вам как опытный компьютерщик. Да и правы вы, Дмитрий Сергеевич, – в темноте блеснули белые зубы. – Очень хотелось увидеть ваши глаза...

Он впитывал информацию, как губка, молчал и только несколько раз позволил себе шевельнуться, что означало глубокое удивление.

– Ну что ж, светлая память, как говорится... Не могу избавиться от мысли, Дмитрий Сергеевич, что в этом и состоял ваш план. Вероятность подобного исхода была незначительной, но вы это сделали. Мертвый Вышковец предпочтительнее живого. Вы подтасовали факты, сфабриковали доказательства, призванные убедить украинскую сторону, что подполковник Вышковец – ваш коллега и партнер – российский шпион. Доказательства убедительные, чего стоит лишь видео, где человек, стопроцентно похожий на Вышковца, общается в парке с работником российской дипломатической миссии, на деле являющимся полковником СВР Дубининым, о чем СБУ, разумеется, известно. А по завершении беседы получает от Дубинина выразительный сверток. Доказать, что на видео не Вышковец, практически невозможно. Артист был идеально подобран и тщательно загримирован. «Улик» море – документы, счета, записки в «шпионском камне», написанные рукой фигуранта. И все же Вышковцу лучше быть трупом. Он точно знает, что не является российским шпионом, и в этом вся проблема. Умный человек докажет свою невиновность, какими бы стопудовыми «доказательствами» его ни обкладывали. Тем более он пользуется покровительством в высоких сферах...

– Возможно, вы правы, – пожал плечами Романов. – Вариант ликвидации Вышковца я обдумывал, но шансов на его реализацию было мало. Помог счастливый случай. Таз под лестницей оказался очень кстати. Остальное было делом техники. Вышковец схватился за пистолет, думая, что в дом нагрянули грабители, это его и сгубило... – Романов немного смутился.

– Понятно, – хмыкнул Януш. – Вы молодец, Дмитрий Сергеевич. Руководство украинского Генштаба давно уяснило, что в его штате окопался опасный «крот». Слишком много провалов в разведывательной и диверсионной деятельности. Это человек, к которому стекается информация о готовящихся спецоперациях. Список подозреваемых не так уж велик. Вы на хорошем счету, считаетесь ценным работником, но поняли, что на вас могут выйти в любой день, поскольку кольцо вокруг вашего отдела отчаянно сжалось. И вы поспешили сфабриковать против коллеги доказательства его причастности к шпионской деятельности. Не стыди-

тесь содеянного, Дмитрий Сергеевич. Подполковник Вышковец был гнидой и заслужил то, что с ним случилось. Личное участие в пытках, избиение задержанных, патологическая ненависть ко всему, что имеет отношение к юго-востоку Украины, особенно к его населению. Вы знаете, что в январе, находясь в составе добровольческого батальона «Азов-2», он лично принимал участие в расстрелах ополченцев, а перед этим заставлял их отдавать нацистское приветствие и выкрикивать националистические лозунги. Теперь вы можете работать спокойно, Дмитрий Сергеевич.

– Надеюсь, – проворчал Романов. – Но эйфория неуместна. В чью-нибудь светлую голову может прийти мысль, что гибель Вышковца выглядит подозрительно. В любом случае будет долгое и нудное разбирательство.

– Ну ничего, – улыбнулся Януш. – Вы, как Штирлиц, всегда выкрутитесь. У вас незапятнанная репутация последовательного борца за свободу и независимость Украины. Так и держите, Дмитрий Сергеевич. Скоро вся эта вакханалия кончится.

Связник исчез так же внезапно, как и появился. Он отступил в глубь кустарника, вздрогнула ограда. Романов запоздало сообразил, что в ограде, видимо, отсутствовала пара прутьев – человек просто растворился в воздухе...

Глава 2

Сверкающее лезвие рассекло воздух и вонзилось в стену. Завибрировала набранная из костяных колец рукоятка. Ахнул от испуга веснушчатый парень в майке – место попадания ножа находилось в нескольких дюймах от его головы. Он спрыгнул с кровати, придвинутой к стене. Выпал из рук вещевой мешок, в котором он копался. Раздался дружный гогот. Нормальная дружеская шутка! Ржали все, кто был в казарме. Кто-то валялся на кровати, кто-то слонялся без дела. Хоть какое-то развлечение. Пуще прочих веселился мускулистый боец с обнаженным торсом – коротко стриженный, с зарубцевавшимся шрамом на подбородке – это он от нечего делать метнул нож. Конопатый сообразил, что его пытаются унижить, побагровел.

– Скуба, мля, шо за фигня нездоровая?!

– Не спи, Карась, замерзнешь! – загоготал обладатель шрама – старший сержант Тарас Скуба. – Ты шо, задумался, боец? Ну прям как баба – думает он... Не грузись, хлопец, это мы так, чисто поржать...

Обитатели казармы продолжали потешаться – пустяк, а приятно. Личное время, чем еще себя занять?

– Шо, Васек, опять москали все сало съели? – гоготал угловатый, грубо отесанный сержант Богдан Лихо, тыча пальцем в упавший вещмешок.

Конопатый Васек Карась такого унижения стерпеть не мог. Физиономия пылала от бешенства. Он вытащил из стены всаженный почти по рукоятку нож, перехватил его нижним хватом, прыгнул в стойку. Он стоял на полусогнутых, хищно шевелились пальцы левой руки, раздувались ноздри. В глазах загорелся мстительный огонек. Оборвался смех. Растерянно попятился и как-то побледнел старший сержант Скуба.

– Эй, Васек, ты чего, шуток не понимаешь?

– Та я ведь тоже шучу, Тарас... – процедил Карась, поедая оппонента неприязненным взглядом. – Шо перепугался, а? – И вкрадчивым шагом, поигрывая ножом, двинулся вперед. Скуба изменился в лице. Праздновать труса ему не хотелось. Но этот уничтожающий решительный взгляд... Рядовой Карась был темной лошадкой – вроде простоватый, без образования, временами наивный, глуповатый, но вместе с тем было в нем что-то подспудно угрожающее – вроде того лиха, которое не стоит беречь, пока оно тихо... Сослуживцы притихли. Лысоватый Степан Макович, развалившийся на табуретке, на всякий случай поднялся и отошел в проход между кроватями.

– Васек, ты шо, мы же друзья... – неуверенно пробормотал Скуба. Под прожигающим взглядом Карася он чувствовал себя весьма неудобно.

– Твои друзья в овраге лошадь доедают, понял? – процедил Карась. Он уже готов был броситься – то ли блефовал, то ли реально шарик за ролик закатился.

– А ну, ша! – взревел, приподнимаясь с кровати, сухопарый и горбоносый лейтенант Иван Первак – заместитель командира диверсионной группы. – Я кому сказал, отставить! Карась, твою мать, на толчке сгною!

Карась рассмеялся и бросил нож под ноги Скубе. Перевоплощение прошло на ура – он снова превратился в простенького хлопчика небогатого ума и бледной фантазии.

– Расслабься, Тарас, – и залился дерганным неприятным смехом.

– Твою-то мать... – Скуба сплюнул с досады и поспешил поднять нож.

– Не уверен – не залазь, – прокомментировал ситуацию лежащий на кровати в компании с мобильником элегантный красавчик Кирилл Майданов. Широко зевнул и резюмировал: – А то огребешь по самые помидоры.

– И долго нам еще тут прохлаждаться? – проворчал, откладывая газету, широколицый и вечно небритый Виктор Гаевский. – Сидим третьи сутки, знать не знаем, что будет. На востоке война, наши парни гибнут, а мы тут бока отлеживаем, от безделья на стенку лезем...

– Не говори, Витюха, даже прижаться не к кому, – грустно подытожил светловолосый Петро Олейник, переворачиваясь на бок. – Эх, сейчас бы прижаться к кому-нибудь...

– К стене прижмись, – посоветовал Гаевский. Бойцы лениво усмехнулись. Третий день группа из восьми человек (не считая командира – капитана Бурковского) находилась в казарме учебно-тренировочной базы, расположенной на территории засекреченного полигона «Пригорье». Территорию в малонаселенной глуши к западу от Тернополя окружали заповедные леса. Полигон тщательно охранялся, все подъезды к нему перекрывались блокпостами. В округе действовал строгий пропускной режим. На базе постоянно кто-то тренировался. Здесь повышали свою «квалификацию» части специального назначения, тренировались перед отправкой на фронт штурмовые роты добровольческих батальонов, проходили подготовку диверсионные группы. Группа капитана Бурковского была набрана с бора по сосенке – из добровольческих частей. Отбирали только подготовленных, с боевым опытом, с полным отсутствием каких бы то ни было моральных ограничений и самозабвенно любящих «вильну Крайну». Эти люди ненавидели все российское и придерживались крайне правых националистических взглядов. «Поздравляю с прибытием, бойцы, – объявил на первом построении капитан Бурковский. – Отныне вы элитное диверсионное подразделение «Гепард». Вернее, будете таким через две недели, когда закончите подготовку и сдадите экзамен. Вас будут тренировать лучшие инструкторы Североатлантического альянса, прибытия которых мы ожидаем со дня на день. Вы должны забыть все, что было с вами ранее, сосредоточиться на учебе, выкинуть из головы всю лишнюю шелуху. Отныне вы – гордость и краса вооруженных сил свободной Украины, вы – ЛУЧШИЕ. Приказываю – никаких азартных игр в личное время, никаких самоволок, женщин, распития спиртных напитков. Вы должны сосредоточиться на учебе и самосовершенствовании. Никакого украинского языка – отныне, даже между собой, вы обязаны общаться по-русски, как бы противно это ни было!» Инструкторы опаздывали, и капитан Бурковский куда-то пропал. Бойцы изнывали от безделья, втихаря играли в карты, тайком попиливали горилку из «неприкосновенных запасов».

– Ну що, хлопці, по грамульке? – Макович извлек из вещмешка початую бутылку. – А то ми тут зовсім з туги подохнем...

– Не, – покачал головой и с сожалением глянул на бутылку Майданов. – Рад бы, но я на алкогольной диете. Капитан унюхает – кирдык нам будет. Давайте лучше в дурачка. – Он извлек из-под матраса карточную колоду и начал красочно ее тасовать – карты раскладывались веером, гуляли волнами, это невольно приковывало взгляд.

– Та ти ж шулер, чого з тобою грати? – фыркнул Макович и извлек из того же вещмешка два раскладных стаканчика. – Ну що, хлопці, є бажаючи освіжитися?

– Я тебе сейчас освежусь, – проворчал, отрывая голову от подушки, лейтенант Первак. – Убери фуфыр, придурок. С вечера выпили – хватит. День на дворе. Спалитесь – а мне оно надо за вас отвечать?

– Ты плохо влияешь на себя, Макович, – усмехнулся Майданов.

– Слышь, братва, кажись, приехал кто-то, – подал голос Василь Карась. Он уже закончил изыскания в вещмешке и пристально всматривался в окно. Заскрипели пружинные матрасы, бойцы «элитного подразделения» выбирались из кроватей, подходили к окну. У соседнего строения – вполне приличного одноэтажного модуля (разительно отличающегося от казарменного общежития, где расположили бойцов) – действительно что-то происходило. У здания остановились два закамуфлированных джипа. Люди в форме вытаскивали из багажных отделений упитанные баулы, спортивные сумки. Среди парней в зеленом камуфляже – явно имеющих отношение к украинской армии – выделялись трое в сером пятнистом и высокий мужчина

в годах в полувоенном френче и блестящих гражданских ботинках. Он с подобострастием что-то говорил одному из «серых», одновременно покрикивая на подчиненных, таскающих багаж. Собеседник тоже был не первой молодости, имел скуластое квадратное лицо, хмурый взгляд. Он сдержанно кивал и настороженно скользил глазами по сторонам. В этом типе было что-то иностранное, причем с солидной должностью. Двое, прибывших с ним, тоже не выглядели местными жителями. Один был высок, сутулился, рыбое лицо не выражало никаких эмоций. Второй при внимательном рассмотрении оказался... женщиной. Невысокая, худая, с грубоватым, хотя и правильным лицом. Даме было за тридцать. Она вышла из машины, состроила скептическую мину, посмотрев по сторонам – на безыскусные казармы, на лес рядом с базой, на быстротечную Лобанку, примыкающую к лесу. Расстроенно покачала головой и достала сигареты из бокового кармана. Подскочил военный в зеленом камуфляже, услужливо щелкнул зажигалкой. Дама прикурила, выпустила дым и смерила парня оценивающим взглядом. Не нашла ничего, достойного внимания, отвернулась.

– Смотри-ка, дивчина... – восторженно прогудел Тарас Скуба, и глаза его плотоядно засверкали. – В натуре дивчина, хлопцы... Вот это да... По ходу у нас приятности...

– Если девочка курит, то она уже не девочка, – компетентно заметил Майданов. – Ты чего так разволновался, Тарас? Если баба носит камуфляж, какая она, на хрен, баба?

– Потасканная какая-то, – подал голос Олейник. – Держу пари, хлопцы, на этой гримзе уже не раз женились и разводились...

– И страшная, как рак прямой кишки, – изрек Гаевский. – Ты шо, ослеп, Тарас?

– Да ладно вам придираться, – возразил Тарас. – Нормальная баба, других все равно нет. Я бы ей вдул...

– Так вдуй, – пожал плечами Богдан Лихо. – В чем проблема? А то смотри – какой храбрый зайка...

Загоготал Василь Карась, ощерился, обнажив неровные зубы, и стал похож на саблезубую белку. Тарас уставился на него со злобой, но глупо махать кулаками после драки. А прибывшие после короткой беседы и визуального знакомства с местностью направились к дому.

– Иван, ты знаешь, кто такие? – спросил у лейтенанта Майданов.

– А то ли непонятно, – огрызнулся Первак. – Гости заморские, будут учить нас диверсионному делу. И большая «шишка» из командования – тот, что во френче, – полковник Петрик Иван Анатольевич. Курирует работу по формированию и обучению диверсионно-разведывательных групп. Пожилой дядька в сером камуфляже – замглавы миссии НАТО на Украине полковник Алекс Фиш. Видать, реально много внимания к нашей группе, раз такие персоны прибыли...

– А те двое – инструкторы, что ли? – покривился Гаевский.

– Ага, баба будет делать из нас крутых перцев будущего, – хихикнул Олейник. – Прикиньте, парни, баба нас построит и погонит...

– Да пошли они в пень, – скрипнул зубами Богдан Лихо. – Мы шо им тут, кролики подопытные? Да я с первого дня на АТО, служил в штурмовой роте «Айдара», в спецназе бригады Нацгвардии, брал Славянск, Краматорск. Мы на Саур-могиле стояли до последнего – когда командование предало, когда тылы отрезали. Нас двенадцать ребят вышло из окружения – а в роте с самого начала двести рыл было...

– Можно подумать, ты один тут весь из себя герой, – возмутился Олейник. – Все мы прошли через «котлы», предательство, все мы обстреляны и пороха нанюхались. Из Дебальцево неделю прорывались! Нас косили, а мы шли... Из моторизованного батальона только три бэтэра к своим прорвались! Нахлебались за неделю – мама не горюй...

– А теперь какая-то баба будет нас на шиле вертеть... – злобно оскалился Карась. – Шо нас готовить? Мы и так ко всему готовые...

– А я бы ей вдул, – задумчиво повторил Скуба, и все бойцы, включая лейтенанта Первака, мстительно засмеялись. Сработало волшебное заклинание: да пошло оно все в зад! Бойцы разбрелись по казарме, падали на койки. Но безропотно подпрыгнули, когда хлопнула дверь и на пороге вырос плотно сбитый мужчина с мясистой физиономией и поджатыми губами – командир диверсионной группы «Гепард» капитан Игорь Бурковский.

– Подразделение, смирна! – скомандовал Первак.

Вошедший отмахнулся.

– Поднимайте ленивые задницы, – проворчал он. – Будем делать из них трудолюбивые. Форма одежды какая есть, быстро, парни, быстро...

Бойцы выстраивались в проходе между кроватями – кто-то босиком, кто-то в шлепках, в защитных майках или с голым пупком. На Карасе висела обтрюханная майка-алкоголичка, которой он несколько не стеснялся, как и своей до предела «законопаченной» физиономией. Капитан Бурковский медленно прохаживался вдоль строя, с мрачным скепсисом озирая бойцов. Игорю Борисовичу было тридцать восемь лет, из них четырнадцать он отдал укреплению боеготовности украинских вооруженных сил. Выпускник Львовской академии сухопутных войск имени гетмана Петра Сагайдачного, командовал ротой аэромобильной бригады в Ивано-Франковской области, был заместителем командира батальона по боевой подготовке. Являлся активным членом партии «Свобода», год назад вступил в «Правый сектор» – именно эта организация, а не предыдущая, полностью отражала мировоззрение и чаяния боевого офицера, считающего украинскую нацию прародительницей всех прочих наций и свято верящего в ее обновление и очищение. Неделю назад он получил приказ – сформировать эффективную диверсионную группу, способную автономно действовать в глубоком вражеском тылу и нанести неприятелю невосполнимый ущерб. «Нужны не просто отморозки, пан капитан, – поучал его высокий чин в разведывательном управлении Генерального штаба. – Нужны умные, инициативные, дисциплинированные, а главное, мотивированные отморозки. Преданность Украине и лояльность киевским властям – на первом месте. Враг – Россия и прикормленные Россией донецкие и луганские террористы. Необходим боевой опыт и навыки работы в экстремальных условиях. Ложный гуманизм в отношении врагов государства – не приветствуется. Бессмысленная жестокость, кстати, тоже. Вам предстоит подобрать людей и доставить их в «Пригорье». Курировать подготовку группы будут полковник Петрик и заместитель главы миссии НАТО на Украине господин Алекс Фиш. Данная информация, как вы понимаете, не для общего пользования. Вашей группе предстоят серьезные задания в тылу врага. Вы даже не представляете, Игорь Борисович, насколько серьезные...»

– Прибыли американцы, – сообщил Бурковский. – Разместились в соседнем модуле, о чем вам, разумеется, уже известно. К полковнику Алексу Фишу просьба относиться уважительно и приветливо, выполнять все его распоряжения. У вас будут два инструктора – сержант Дастин Фостер и сержант Лилиан Холл. Последняя, как вы уже заметили, – женщина... – Капитан прервал поучения и исподлобья уставился на присутствующих, которые по непонятной причине начали ухмыляться. – Но это не значит, что по мере прохождения учебы надо хватать ее за сиськи и задницу. – Он терпеливо дождался, пока будущие диверсанты закончат смеяться. – На эту дамочку где сядешь, там и слезешь, зарубите на носу. Считайте, что я вас предупредил. С завтрашнего дня и на две недели вы – роботы, слепо повинующиеся капризу начальства. Напоминаю, по мере прохождения службы и даже между собой общаться только по-русски. Никакого нытья, возмущений, что вы крутые парни, уже прошли всю необходимую подготовку, участвовали в боевых операциях, готовы к заброске в тыл. Вы дилетанты, сопляки, неумелые курсанты – и из вас будут делать элитный спецназ по нормативам НАТО. Специальная полоса препятствий, действия в условиях города, лесистой местности, захват заложников, форсирование водной преграды, стрельбы, оружейная часть, взрывное дело, специальный психологический тренинг. И это только часть предстоящего. Провинитесь – понесете наказа-

ние. Ослушаетесь приказа – крупно пожалеете. Сейчас – разойтись. Привести в порядок себя, казарму. В семь утра построение, представление нашим американским коллегам и начало занятий. Подъем в шесть – зарядка, завтрак. Старшим назначается... лейтенант Первак. – И без того узкие глазки капитана пытливо впились в вытянувшегося офицера. Бурковский глумливо усмехнулся. – И не забывайте, Первак, если вас назначили старшим, это не значит, что вы старший.

– Старший – тот, кто назначил вас старшим, – прошептал Майданов. И сделал глупую отстраненную мину, когда в него впились недовольные глаза командира.

– Отставить комментарии, – процедил Бурковский. – У вас, боец, хорошая фамилия, правильная, – диверсанты подобострастно ухмыльнулись, – но это не значит, что у вас есть шанс стать моим любимцем. Прошу всех запомнить: во время обучения активно действует так называемая коллективная ответственность – за виновного отдувается весь коллектив. И чтобы было тихо, как в библиотеке, когда говорит командир. Не забываем, что у всех вас есть неотъемлемое право получить по морде. Все, бойцы, разойтись. Напоминаю, первое построение – в казарме, в шесть утра.

– Кто рано встает... – сокрушенно вздохнул Олейник.

– Тот от командира раньше всех и огребет, – закончил Гаевский, дождавшись, когда за Бурковским захлопнется дверь. – Ничего, хлопцы, где наша не пропадала, одолеем эту беду...

Перспектива попасть в услужение к заморским друзьям как-то не окрыляла. Бойцы ворча наводили порядок. Бросили жребий, кому мыть пол. Макович и Гаевский ушли за швабрами и ведрами. Вновь поцапались Карась и Скуба. Рычали друг на друга, как две разозленные собаки, выражая крайнее презрение.

– А ну разбежались! – разозлился Первак. – Агрессивные вы, хлопцы. Дождетесь – усыпим обоих.

– В натуре, кончайте собачиться, – поддержал лейтенанта Олейник. – Нам сплотиться надо, хлопцы, важные дела предстоят, а вы тут грызетесь на пустом месте, как тупые шавки.

– Да идет он в пень, – отмахнулся Карась, сплюнул под швабру Гаевскому и побрел на койку.

Ближе к вечеру снова сделалось скучно. Бойцы сидели в кружке, пили чай из казенных кружек, резались в карты. Товарищи критично созерцали роскошную татуировку на плече Маковича – переливался глянцем стилизованный под свастику державный трезубец, и все это озарялось лучами восходящего солнца. Обрамлением служили мелкие затейливые черепа. Композиция отчасти напоминала окруженный колосьями герб союзной советской республики – особенно если не всматриваться. И чтобы устранить это недоразумение, татуировщик обогатил свое творение зловещей готической вязью, в которой вряд ли был текстовый смысл. Играть надоело. Скуба, третий раз оставшийся в дураках, злобно растирал распухший от ударов картами нос, заявил, что вокруг одно жулье, и побрел к окну. Майданов и Олейник начали спорить, кто продул Дебальцевское сражение – Нацгвардия, не подчиняющаяся приказам штаба АТО, или регулярная аэромобильная бригада, набранная непонятно из кого. Майданов с хрипом доказывал, что десантники стояли до последнего – возможно, не все, а выжившие, не сбежавшие к противнику и не дезертировавшие в тыл. Олейник вспомнил, как в разгар формирования позорного для Украины «котла» батальон Нацгвардии выбил боевиков из деревни Курычи и вышел на важную для обеспечения группировки трассу. Террористы наступали, как орды гугенотов! («Гуннов, – поправил относительно образованный Первак».) Потрепанные части аэромобильной бригады бежали от них, как жители Нью-Йорка от Годзиллы. Батальон Нацгвардии больше суток держал оборону, прикрывая отход регулярных частей, несколько раз переходил в контратаку, отбрасывая террористов от деревни. А потом из штаба АТО поступил преступный приказ в срочном порядке оставлять позиции и уходить на запад. Колонна бата-

льона в чистом поле подверглась жестокому артобстрелу, выжило не больше трети личного состава, из боевой техники прорвались к лесу только три бронетранспортера...

– А мы десяток террористов под Ждановкой прибрали, – оскалился Карась. – Я в «Днипро» служил – две роты по полной выкладке бросили спасать побитый штаб бригады. Через лес прошли и на дороге засаду замутили. Колонна сепаров шла – из боя выходили. Мы и разнесли их в пух и прах из «РПГ-7». Красота, приятно вспомнить... – На чело бойца улеглась мечтательно-ностальгическая блажь. – Порвали за милую душу... Кто-то выжил, по полю утесал, так мы их снимали, как мишени на стрельбище, ни один не ушел, палла... А в последнем грузовике раненых везли. Баба там еще была – то ли врачиха, то ли медсестра – белугой редела, дура, кричала про какие-то права раненых. Ублажить ее хотели – хороша была девка, да время поджимало. С двух сторон из эрпэгешек дали по грузовику, чтобы хорошо там поджарились – ни одна тварь вылезти не успела, все сдохли. Все равно доходяги были...

Пейзаж за окном не менялся. У соседнего модуля какое-то время продолжалась активность. Военнослужащие перетасили в здание вещи и удалились пешим ходом. Сержанты американской армии скрылись в здании. Полковник Фиш энергично общался с полковником Петриком (либо он хорошо знал русский или украинский, либо Петрик – английский). Потом к ним примкнул капитан Бурковский, что придало беседе свежий импульс. Петрик улыбался, ухмылялся Бурковский. Натовский полковник в лице не менялся – казался вырубленным из камня. Потом все трое дружно повернулись и уставились на казарму, в которой прописались восемь обучаемых. Тарас Скуба отпрянул от окна и чуть не сбил своего «приятеля» Карася, несущего кружку с горячим чаем. Снова было много ругани, но до рукопашной не дошло. Троица у соседнего модуля еще немного посовещалась и разошлась. Скуба опять прилип к окну. Потом он как-то напрягся. Товарищи поначалу не обратили внимания, но потом им стало интересно – слишком уж бурно задышал боец. Люди поднялись из кроватей, подошли к окну.

– Надо же, какая живопись... – оценил красоту Богдан. Дело клонилось к вечеру, увядали майские краски. Казарма находилась на краю жилой части тренировочной базы. Вниз по склону уходили заросли подрастающего бурьяна. Под обрывом протекала речушка Лобанка – петляющая, с перекатами, то узкая, то расширяющаяся. Напротив казармы находилось самое узкое ее место – берега связывал мостик. На противоположном берегу высился лес. Он тоже являлся частью полигона, в нем отрабатывались нормативы, но сегодня вечером там занятий не было. Природа дышала спокойствием. По берегу реки с меланхолическим видом гуляла женщина в серо-буром камуфляже – инструктор Лилиан Холл. Она была в гордом одиночестве и явно не знала, чем себя занять. Верхние пуговицы расстегнуты, головного убора на голове нет, и пышные каштановые волосы каскадами растекались по плечам. Ее лицо уже не казалось сухим и отстраненным, фигура обрела трогательную женственность. Она бродила по обрыву, задумчиво ковыряла веточкой в траве, бросала в воду камешки.

– От чорт, баба... – уважительно вымолвил Макович, на которого приказ говорить по-русски, видимо, не произвел впечатления.

– А шо это она делает? – вытянул шею Карась.

– Акклиматизируется, – пояснил Олейник.

– Смотри-ка, как корова – мирно пасется, – пробормотал Гаевский. – А шо, не такая уж страхолюдина, как сперва показалось, нормальная фемина.

– Да ладно вам, на бабу уставились, словно она уже голая, – фыркнул лейтенант Первак. – Забыли, кто она такая? Задружиться хотите?

– Ага, пойду дружить. – Тарас Скуба начал лихорадочно натягивать защитную куртку, застегнулся, расчесался пятерней. Он был настроен весьма решительно. Товарищи изумленно на него уставились.

– Ба, наш Скуба на свиданку с телкой намылился, – удивился Майданов. – Не вынесла душа поэта. Тарас, ты что, с дуба рухнул?

– Дружить собрался, – загоготал Олейник. – Смотри, чтобы дружба не переросла в беременность.

– Да какая, на хрен, беременность? – махнул рукой Карась – он, как всегда, придурковато скалился, выставляя изъеденные кариесом зубы. – На шиша ей этот дурковатый сдался? Она же бой-баба, так отошьет, что мало не покажется. Может, ты попроще себе кого найдешь, Скуба?

Но у парня были серьезные намерения. Истосковался по общению с прекрасным полом. Он похотливо урчал, заранее облизывался. Поправил камуфляж, сделал грудь колесом и придирчиво обозрел себя в прикроватном зеркальце.

– Красавец, – сказал Майданов. – Топай, боец, заводи полезные знакомства. Да смотри, чтобы по дороге хозяйство из штанов не вывалилось. Зови дамочку просто – Лили. Кстати, на каком языке ты с ней собрался базлать? Учти, Скуба, матерный не прокатит, – закончил он под дружный гогот собравшихся.

– И тише там, не взрывайте полигон любовными кульбитами, – хихикнул Олейник.

– Скуба, кто разрешил? – запоздало насупил брови лейтенант Первак. – Отставить, боец! Мы здесь не для того, чтобы по бабам лазить!

– Ванюха, да кончай вытрепываться, – возмутился Скуба. – Шо ты тут старшего из себя корчишь не по теме? Нам запрещают выходить из барака, курить на природе? Ни хрена не запрещают. Личное время, учеба еще не началась, мы можем гулять по базе хоть вдоль, хоть поперек. Так что извиняй, лейтенант. – Скуба облизнул пересохшие губы и мельком глянул в окно – не удалился ли объект охоты. – Ты не старший. Там старшие, – кивнул он выразительно на потолок. – Да не менжуйся, брат, просто познакомлюсь, наведу, так сказать, мосты между братскими народами.

Первак закипал, но никто его не поддерживал, всем было интересно. Скуба громко выдохнул, словно махнул ковш горилки, и вывалился за порог. Излишне говорить, что честная компания прилипла к окнам. Скуба шел, как напыщенный гусак, – грудь вперед, плечи покачивались, как бедра распутной женщины. Диверсанты смеялись – вот же конь похотливый. Кто мы такие, чтобы противостоять животным инстинктам? Дама насторожилась, обнаружив, что к ней подваливает незнакомый и не очень приятный господин в форме украинского военнослужащего. Скуба призывно улыбался и что-то говорил. Дама нахмурилась и непроизвольным жестом откинула волосы со лба. Движение ничего не значило, но Скуба расценил его как призыв к знакомству. Он продолжал говорить, при этом маслянисто улыбался, потирал вспотевшие ладони. Он не мог стоять на месте, то мялся, то начинал мельтешить перед глазами дамы. Что-то спросил – дама недоуменно пожала плечами, односложно ответила. Скуба смелел, напирал – рискованно сократил дистанцию, вторгся в личную зону. Шаловливые руки уже поглаживали женщину по плечу. Она недоуменно смотрела на эти руки, но не делала ничего, чтобы исправить ситуацию. Напротив, в лице возник ответный интерес. Она стала отвечать – сперва односложно, потом ее фразы делались длиннее. Невнятная улыбка скользила по женским губам. Скубу это заводило, он уже разгулялся, подпрыгивал вокруг дамы, как петух. Потом взял ее под локоть и как-то ненавязчиво потянул к мостику. Женщина покорно села рядом. Скуба украдкой обернулся, показал язык – он знал, что за ним подглядывают.

– Во дает... – недоуменно пробормотал Майданов. – Неужто уболтал телку?

Парочка прошла по мосту и через пару минут скрылась в лесу.

– Засосало, мля... – выдохнул Карась. – Вот же чертов трахушник... Не, тут шо-то не так, хлопцы...

Парочка отсутствовала не больше минуты. Товарищи гадали, что там происходит? Вопрос почти шекспировский: даст или не даст? Через минуту все стало ясно. Первой из леса вышла сержант Лилиан Холл. Дамочка улыбалась. Бойцы невольно залюбовались – спинка прямая, грудь вперед, волосы пушистыми формами обвивали плечи. Она шла легко, грациозно, постукивая себя по голени прутиком с молодыми побегами. Пружинящей походкой она

зашла на мостик, продефилировала по нему и направилась к модулю. На крыльце позевывал долговязый сержант Фостер. Он что-то спросил у Лилиан – та ответила, прыснув. Сержант понятливо кивнул. Женщина мазнула взглядом окно казармы с прилипшими носами, усмехнулась. Оба инструктора растворились в здании. В тот же миг из леса показался Тарас Скуба. На парня было больно смотреть! Согнувшийся в три погибели, он держался обеими руками за мотню, как будто у него там что-то уже отваливалось. Он был темнее тучи, лицо исказилось, глаза вываливались из орбит. Скуба ковылял, расставив ноги, как кавалерист. Прильнувшая к окну братия дружно загоготала.

– Я говорил, хлопцы, я говорил! – ржал, схватившись за живот, Карась. – Получил от бабы по яйцам, будет знать, как приставать! Ай да Лилька, ай да молоток!

– Фантастический секс, я не могу... – Майданов вытирал прослезившиеся глаза. – Нашел пацан приключение на свою задницу...

– Не нашел, а нарвался! – гоготал Богдан Лихо. – Получил по причиндалам от бабы! Пацаны, это же кино, на хрен! Надо было на видео заснять!

День завершался на мажорной ноте. Диверсанты веселились, как дети. А Тарас совершил ошибку – стоило отсидеться в лесу, прийти в себя, а потом уж вываливаться под очи товарищей. Но он плохо соображал – боль душила. Когда он перебрался через речку, боль немного отпустила. Тарас отдышался и заковылял в барак. Обрести нормальный вид, естественно, не получилось. Бойцы давились смехом.

– Нагулялся? – ласково спросил Майданов. – А чего скрюченный, как интеграл?

– Нет взаимности – даже не думай, – прыснул Олейник.

– А шо, нормально так погулял, – рассудительно пробасил Богдан. – Развеялся перед сном, набрался свежих ощущений.

Бойцы ржали, как жеребцы. Макович сочувственно похлопал Скубу по плечу, что-то буркнул про «неумелые действия» и «нарушение правил эксплуатации». Тот скинул руку с плеча, злобно зыркнул.

– А ну, заткнулись, кретины... – прошипел он. – Убью, если кто-то еще хоть слово скажет... – Сжал кулаки и с ненавистью осмотрел просветленные лица товарищей. Скрипнул зубами, завалился на койку и скорчился в позе ребенка в животе матери. Товарищи прекратили язвительные комментарии, только сдавленно посмеивались и перемигивались.

– Дуры вы, дуры, хлопцы, хуже баб, ей-богу, – недовольно бурчал Первак, подбивая тощую подушку. – Совсем ваши бестолковки не работают. Аукнется нам это, чую, аукнется. А из-за этого недалекого я горбатиться зазря не хочу...

В шесть утра громовой голос капитана Бурковского «Подъем, подразделение!» вышвырнул бойцов из кроватей. Хрипло чертыхаясь, они хватались за одежду, суетливо облачались, мешаясь друг дружке. Бурковский, поджав губы, прохаживался вдоль неровной шеренги, выстроившейся в проходе.

– На зарядку, – лаконично выплюнул он. – Пробил ваш звездный час, бойцы. Все готовы к круглосуточным космическим нагрузкам? Учтите, пощады не будет. Все, кто намерен отлынивать и сачковать, – будут крупно разочарованы. А ну, марш на спортплощадку!

После интенсивной физзарядки и плотного завтрака людей выстроили на маленьком плацу между казармами. «Гостей» присутствовало немного, и знакомство было лаконичным. Полковник Петрик, представляющий Генштаб, – куратор группы (и не ее одной), полковник Алекс Фиш – армия НАТО. И это огромная честь, что полковник согласился почтить своим присутствием первый день занятий, высказать свое мнение о предстоящем процессе и дать полезные рекомендации. Опытные инструкторы по разведывательно-диверсионному делу – сержанты Дастин Фостер и Лилиан Холл. Их приказы выполнять беспрекословно, никакой «демократии»! Господа немного понимают по-русски, в крайнем случае, их слова будет пере-

водить капитан Бурковский, в совершенстве владеющий английским. Обращаться к инструкторам можно просто – «сэр» и «мэм».

Бойцы торчали по стойке «смирно», и можно представить, как они мысленно матюгались. На лицах полковника Петрика и натовского чиновника застыло бесстрастное выражение, приправленное легким скепсисом. Привыкать ли делать из дерьма конфетку – особенно под руководством опытных мастеров? «Мастера» застыли позади руководства в позе эсэсовских надзирателей – руки за спиной, ноги расставлены. Сержант Фостер был неподвижен и невозмутим. По губам Лилиан Холл расплывалась язвительная ухмылка. Ее глаза с каннибальским интересом скользили по застывшим фигурам «подопытных» и очень часто останавливались на постной мине Тараса Скубы. Тот усиленно моргал, старался смотреть куда угодно, только не в ее сторону, и это бесконечно радовало Лилиан. Возможно, она уже составила план адского истязания и теперь терпеливо ждала. Капитан Бурковский, разодетый по всей форме «странсоюзников», и даже с кобурой на поясе, барражировал вдоль строя. Представительная часть мероприятия подошла к концу.

– И чего такие грустные, как прелюдия Баха? – понизил голос Бурковский, покосившись на застывших в отдалении иностранцев. – Поглупели или случилось чего? – Он снова отправился вдоль шеренги, цепко вглядываясь в бескровные лица солдат. Остановился возле Скубы, пристально его разглядывал. Очевидно, Барковскому уже доложили о «романтическом приключении». Особой радости (как и особого негатива) это не вызвало. Ладно, хоть не импотенты. Но реакция должна быть, и дурь надо выбивать решительно. – Поздравляю вас, бойцы, – сказал он с нажимом. – Вам оказана высокая честь быть служащими элитного подразделения, и с сегодняшнего дня мы приступаем к учебе. График плотный. До обеда – тактические занятия. Марш-бросок тридцать километров по пересеченной местности с полной выкладкой. С чем вас и поздравляю, бойцы. – Капитан ослабилась. – А недовольные получают в вещмешок на два кирпича больше. По итогам занятия преподаватели и сделают вывод, на что вы способны. Надеюсь, никто не подведет? – Капитан смерил взглядом Скубу. – Во второй половине дня – для тех, кто выживет после первой, – мы будем проходить психологическое тестирование. Цель ясна – выявить ваш потенциал, насколько далеко вы можете зайти ради свободы и процветания родного государства. Закончим день занятиями по саперному и взрывному делу. Сегодня мы будем изучать устройство и принцип действия противопехотной осколочной мины «МОН-50». Опять же повторяю – те, кто выживет. Пять минут перерыв – разойдись!

Глава 3

– Товарищи, подождите, это же форменный грабеж, что вы делаете? У вас есть санкция на изъятие товара? – Обильно потеющий худосочный мужчина заступил дорогу двум здоровякам в камуфляже, выносящим из дверей тяжелые коробки. Здоровяки даже не остановились, оттерли его плечом и поволокли свою ношу к распахнутым дверям микроавтобуса. Мужчина оступился, чуть не упал с крыльца, пришлось спрыгнуть.

– Тамбовские волки тебе товарищи, узурпатор хренов, пиявка на теле трудового народа... – Небритый мужик в мятом обмундировании без знаков различия, вооруженный автоматом Калашникова, схватил мужчину за шиворот, оттащил от крыльца и отбросил в сторону. – Вот тебе санкция, гнида. А вот тебе наш революционный мандат! – Он шагнул вперед, сжал мозолистый кулак и выразительно поводил перед носом мужчины. – Еще раз повторить, что мы делаем? Мы бойцы казачьей сотни народной республики, изымаем излишки вашей говенной продукции на нужды сражающихся за вашу же свободу бойцов! А ты, падла, нам препятствуешь, саботируешь приказ коменданта Северодона и работаешь на благо киевской хунты! Забыл, как поступают с такими в военное время? Хочешь пулю, сука барыжня? – Он сдернул с плеча автомат, наставил на мужчину. Тот застыл, как памятник, и начал обрастать мертвецкой бледностью. Небритый расхохотался. – Вот так-то лучше, господин директор универсама!

Дело происходило на задворках небольшого супермаркета на окраине города. В округе было безлюдно, никто не препятствовал проведению «продразверстки». Населенные пункты в прифронтовой полосе – не самое подходящее место для массовых народных гуляний. Просторный двор был завален мусором, валялись перебитые поддоны. Пространство окружал бетонный забор и два забитых досками складских строения. В мусорном контейнере, поглядывая на людей, ковырялась облезлая собака. За поваленной секцией забора находился захламленный пруд, оттуда доносился птичий гомон – пернатые тоже что-то делили. «Приезжих» было пятеро. Все в камуфляже, при оружии – крепкие неопрятные мужики от двадцати до сорока. Двое выносили товар, двое загружали в чрево микроавтобуса, а небритый – видимо, старший в команде – прохаживался вокруг и колючим взглядом пронизывал округу, не забывая уделять время перепуганному директору.

– Все, Антипыч, больше ничего, – отдуваясь, сообщил рослый прыщавый детина, подтаскивая к машине последнюю коробку. – Это детское питание, до кучи, так сказать... Спасибо, как говорится, этому дому...

– Ага, детство никуда не уходит, – загоготал неряшливый волосатый тип, хватаясь за коробку, чтобы отправить ее в машину. – Ладно, пусть будет. Схоячим, если че...

– Точно ничего не осталось? – нахмурился щетинистый Антипыч. – Маловато что-то у этих купчишек товара.

– Ну, не знаю, – развел руками детина, – склад пуст, в торговом зале шаром покати. Разве что припрятали ходовой товарец...

Антипыч тяжелым раздающим взглядом уставился на директора супермаркета. Тот беспомощно поводил руками и хватал воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

– Ладно, черт с ним, – проворчал Антипыч. – Времени нет возиться с этим дерьмом.

– Загоняем назад и пускаем газ, – пошутил молодой парень с изрытым рубцами лицом.

– Давай, – махнул рукой Антипыч. – Закрывайте машину, все на борт.

– Подождите, – жалобно промямлил директор магазина, выходя из оцепенения. – Товарищи, но ведь так нельзя, должен быть порядок, я обязан отчитываться за товар... – И с жалобным лицом засеменил к микроавтобусу. Парни с автоматами засмеялись.

– Антипыч, дай ему по харе, – посоветовал рослый боец. – Ей-богу, достал. А может, пристрелим его? Как пособника антинародного киевского режима?

– Не стоит, наживем проблемы на свои задницы... – Антипыч схватил за грудки директора и отвесил ему тумака. – Считай, что уже отчитался за товар, негодянт хренов! – Он снова отшвырнул упорствующего мужичонку. Тот отбил бок от удара об асфальт, вскричал от боли.

– Федор Савельевич, да что же это творится, куда вы смотрите?! – На крыльцо выбежала растрепанная дама средних лет в рабочем халате. – Это форменный грабеж, они изымают наш товар безо всяких сопроводительных документов! Остановите их! – Она спрыгнула с крыльца и застыла, испуганно уставившись на скорчившегося босса.

– Как же надоели эти спорящие хозяйствующие объекты, – разозлился упитанный детина и решительно направился к женщине. Она закричала от страха, попятилась, споткнулась и больно ударилась затылком о бетонную ступень.

– Вот так-то лучше, – проворчал Антипыч. – Ну, чего уставились? – злобно процедил он. – Все в машину, едем к другому дому.

Машина решила поупрямиться, не заводилась, только плевалась клубами ядовитого дыма. Чертыхался водитель, грязно ругался старший команды. Женщина с мужчиной, получившие травмы, пытались подняться, стонали от боли.

– Проклятая колымага! – ругался водитель. – Антипыч, надо подтолкнуть, я на нейтраль поставлю. По ходу должна завестись.

– Выходи, братва! – орал Антипыч, вылезая из кабины. – Толкнем драбадан! И учти, Коляша, если завтра не добудешь новую телегу, я тебя на ремни пушу, уяснил?

Антипыч испытывал нетерпение, расточал в пространство «изысканную словесность», не поощряемую в печатной продукции. Автоматчики синели от натуги, толкая автомобиль. «Академическая гребля, мля, – кряхтел кряжистый мужик с опухшим лицом. – Один рулевой и куча гребцов...» – «Восемь должно быть, Сундук...» – отозвался относительно образованный волосатик. – Восемь гребцов, будь они неладны... Я занимался когда-то греблей, ходил по юности в секцию на Донце...» – «Я тоже этим словом занимался...» – отозвался под гогот товарищей кряжистый автоматчик с погонялом Сундук. – Только без первых букв... И сейчас занимаюсь, люблю я это дело...»

Во двор влетела подержанная «Нива», опомниться не успели, как из нее выпрыгнули четверо – такие же здоровяки, в аналогичном камуфляже, с теми же автоматами. Трое наставили оружие на сгрудившуюся у машины банду. Четвертый – чубатый паренек со смышленной физиономией – побежал в обход машины, вскинул автомат, дабы у водителя не возникло сиюминутных порывов. Качнул стволом – дескать, вылазь и в кучу.

– Всем отойти от машины, – ровным голосом распорядился скуластый молодой парень с карими глазами. Камуфляж на нем сидел как на статуе, рукав украшал трехцветный шеврон – символ непризнанной мятежной республики. – Оружие на землю, и без глупостей. – Он исподлобья следил, как побледневший шофер присоединяется к своим сообщникам, дождался, пока вся компания сложит оружие на землю.

– Мужики, вы охренели? – буркнул Антипыч. – Откуда такие выпорхнули? Чего автоматы наставили? Мы же свои.

Новоявленные автоматчики медленно приближались. Вторая компания выглядела опрятнее первой, бойцы имели ухоженный вид, носили однотипные форменные кепи, в отличие от «махновцев», нагрянувших в супермаркет (те выглядели так, будто одевались с распродажи в армейском морге).

– Как дела, парни? – поинтересовался скуластый.

– Еще не делали, – набыченно огрызнулся Антипыч. – Эй, братва, вас ворона накаркала? Уберите стволы, мы из группы снабжения сотни казачьего батальона, выполняем приказ май-

ора Астраханцева – собрать провиант для действующих подразделений. Старшина Мошковец. А вы кто такие?

– Капитан Холодов, – представился скуластый. – Патруль. Отдельный штурмовой батальон специального назначения. – Он подошел поближе, не спуская взгляда с группы мародеров – а те застыли в напряженных позах, стреляли глазами, и не сказать, что сильно перепугались. Во всяком случае, пока они имели небольшое численное преимущество. И уже жалели, что бросили оружие.

– Ну, и какого рожна, капитан? – подал голос рослый громила. – Мы же все свои. Мы в твои дела не лезем, и ты не лезь в наши. А то получит твое начальство от нашего начальства, и мигом станешь лейтенантом. Уберите стволы, мужики. Общее дело делаем.

Патрульные окружили группу мародеров, разглядывали их с легкой брезгливостью и ждали распоряжения старшего по званию. Работники супермаркета уже пришли в себя, волоклись к крыльцу.

– Ребята, никакие они не ополченцы, – слабым голосом сказал директор. – Приехали без накладных, без письменного приказа, избили грузчика и вытащили все, что у нас осталось на складе. Они же грабители, обычные грабители...

– А ты заткнись, пособник антинародного режима! – взревел Антипыч. – Шакалье позорное! Мы еще придем к тебе, мы еще поговорим! Мы ополченцы, мать твою!

– Да ладно, пацаны, не ссорьтесь, – миролюбиво улыбнулся командир взвода специальной разведки Глеб Холодов (согласно разнарядке, его подразделение сегодня патрулировало город). – Доброе утро, господин Мошковец и все сопровождающие его лица. Ни к какой сотне вы не приписаны, казаки таких сразу в расход пускают, но речь не о том, речь идет о подвигах вашей банды, Павел Антипович. Наслышаны. Ваша последняя ходка по «мокрому» делу оборвалась четыре месяца назад, когда пьяные украинские артиллеристы обстреляли криминально-исправительное учреждение под Артемовкой и вы с парой поделльников ушли в бега. Кто-то помог вам обзавестись нужными документами, что позволяет представляться ополченцами. А сами мародерствуете. Сколько торговых точек вы успели обнести сегодня утром? По нашей информации, три. В магазине «Кристалл» на улице Гладышева вы убили сторожа, в кафе на Осенней избили до полусмерти работницу кухни, собравшуюся позвонить в милицию. По нашим сведениям, вы промышляете уже неделю, грабя торговые точки. Товар сдаете барыгам, после чего он появляется на черном рынке. И не надо, Павел Антипыч, делать глаза, как у сенегальского примата. Живо уперлись носами в землю, руки за спину!

Бандиты зароптали.

– Ты чего пургу гонишь, капитан? – заартачился Сундук. – Ты шо, мент? Мы на одной стороне, кончай свою бодягу. Это не ваше...

– Ошибаешься, ублюдок, это наше собачье дело, – отрезал рослый и мрачноватый ополченец Мансуров. – А ну, кончай дискуссию, всем лечь!

Но знали граждане бандиты, что за решетку им никак нельзя. Время военное, законы суровые, за убийства сотягчающими обстоятельствами могут кокнуть и без суда. Компания распалась почти синхронно! Волосатик бросился за борт «Газели», но не учел смешливого чубатого паренька с неплохими физическими данными – рядового Гриши Косаря. Получил прикладом в переносицу, рухнул на колени. Жалостью к павшим Григорий не страдал, снова испытал приклад на прочность, и волосатик растянулся на асфальте. Рябой молодчик сделал попытку достать автомат, но с ним сблизился Стас Баранович – гибкий, сотканный из жил, – выбил подсечкой почву из-под ног, смачно двинул кулаком в живот. Рябой катался по земле, и матюги, которые он выкрикивал, могли составить достойную конкуренцию живописному сленгу портовых грузчиков. Остальные, как тараканы, бросились врассыпную. Глеб ударил раскатистой очередью над головами. Споткнулся угловатый, приземистый Сундук, покатился, как сучкастая коряга, а к нему уже прыжками неся разозлившийся Мансуров. Гриша Косарь

бежал наперерез рослому громиле – парню явно из другой весовой категории. Плевать! У Гриши часто случалось, что разум отставал от сиюминутных порывов и потребностей. Мошковец петлял по двору, как заяц, выл от страха, ожидая пули в затылок. Глеб вскинул автомат, прицелился. Сегодня не было желания заниматься физическими упражнениями. Ногу потянул днем ранее, прыгая через канаву, теперь побаливали мышцы. В принципе, собаке – собачья смерть. Бежать до разбитого забора Мошковцу оставалось несколько метров. Он ускорился, вышел на финишную прямую, перемахнул через поваленную секцию бетонной изгороди. Но не судьба погулять на воле – Глеб плавно нажал спусковой крючок, простучала короткая очередь, и одна из пуль пробила беглецу пятку! Взмахнув руками, он проделал впечатляющий перелет и грохнулся в захламленный пруд, поднимая тучу брызг!

– Какая точность, – пробормотал временно оставшийся без дела Баранович. – А я уж подумал, Глеб, что ты дашь ему уйти.

Пришлось пробежаться – не быстро, с ленцой. Мошковец бултыхался в воде, пуская пузыри, что-то хрипел. Глубина у берега, покрытого рыжей глиной, была основательная – ее не успели извести мусором. Из простреленной ноги сочилась кровь, окрашивая мутную воду. Мошковец хватал воздух, глаза вываливались из орбит. Он всячески старался подплыть к обрыву, но пловец из него был неважный. Глеб опустил автомат и задумчиво смотрел на тонущего. Вспомнилось крылатое выражение о «спасении утопающих». Подбежал запыхавшийся Баранович, встал рядом. Ополченцы задумчиво смотрели, как в двух шагах от них тонет человек.

– Помогите, падлы... дайте руку... – хрипел Мошковец.

– Вообще странно, – пожал плечами Баранович, – что некоторые люди тонут.

– Ты прав, – кивнул Глеб. – ОНО не тонет. Нам вообще безразлично, утонет оно или нет.

Второе крылатое выражение тоже оказалось верным. Мошковец не утонул. Каким-то отчаянным усилием подался вперед, выполз из воды, весь облепленный тиной, страшный, со стучащими зубами. Глеб схватил за шкуру, Баранович за ремень, и таким образом потащили добычу обратно во двор. Бросили недалеко от микроавтобуса. Баранович на всякий случай придавил его ногой, чтобы не дергался. И доступно объяснил, при каких обстоятельствах заканчивается толерантное отношение к задержанным. Из задней двери робко выглядывали работники супермаркета во главе с Федором Савельевичем.

– Глеб, а эта публика точно из зоны? – спросил Гриша Косарь. Он сидел на спине поверженного мордоворота и вязал ему руки его же собственным ремнем. Лицо мордоворота было разбито в кровь, он выплевывал остатки зубов. Грише явно отказало чувство меры. – Может, диверсанты?

– Суки они, – проворчал Глеб. – Вяжи крепче, Гриша. Не будем руки марать – доставим живыми, а там уж специальная команда знает, что с ними делать.

Избитые мародеры все слышали! Мордоворот в отчаянии взревел, перевернулся на спину, сбросив Гришу. Задержался, сорвал ремень с запястий. Процесс умиротворения явно затягивался. Он кусался, царапался, пытался схватить Гришу за волосы. Тот ударил в ответ по физиономии кулаком по виску.

– Остужай его, Гриша, остужай, – позевывал Баранович.

– Да как же его остудить? – хрипел Гриша.

– Жару ему задай! – засмеялся Глеб. Сокрушительный удар со смещением челюстных костей – и громила превратился в бесполезную грудку мускулов и мяса. Но тут активизировался Сундук. Мансуров утратил бдительность, засмотрелся на ворону, сидящую на заборе, получил по коленке и приземлился мягким местом. А в следующее мгновение пыhtящий Сундук уже выкручивал у него из рук автомат, непонятно на что надеясь. Пришлось пожертвовать единственным лбом. Сундук отлетел с разбитой переносицей, грохнулся на спину всей своей тушей. Взлетел приклад – и точно поразил промежность. Словно лопнула яичная скорлупа. В этот

миг всем присутствующим стало не по себе. Прямая экстраполяция на собственный орган... Сундук взревел, как бегемот, кастрируемый саблей! Изогнулся, затрясся, начал извиваться, как упитанный червяк.

– Ну, ты и ущемил ему достоинство... – пробормотал впечатленный Баранович.

На этом процесс принуждения к миру не закончился. Трескучая автоматная очередь порвала воздух, и Гриша Косарь с истошным воплем покатился по щербатому асфальту. Все забыли про волосатика. А его травмы, полученные в начале «сражения», вполне совмещались с жизнью! Он дотянулся до автомата, поднялся на колени. Он орал, как недорезанный поросенок, брызгал кровью, соплями, посылая пулю за пулей, толком не видя мишеней. Глеб первым вскинул автомат, ударил кучно, на поражение. Волосатика отбросило на несколько метров с расколотым черепом, из которого густо хлынула кровь и непутевые мозги...

– Косарь, ты что? – Глеб, холодея, бросился к товарищу. И встал, расслабился, облегченно выдохнув. Григорий забористо ругался, тряс головой, как накупавшаяся собака. С мочки уха стекала кровь, нижняя губа подрагивала. Пуля прошла в опасной близости от головы, зацепив сравнительно важный орган.

– Ты, Гриша, прямо как темная материя, – посочувствовал Баранович. – Поздравляю с рождением, как говорится.

– Ты в порядке? – спросил Глеб.

– Рано мне, – пробормотал Григорий, с опаской ощупывая ухо. – Я выйду на следующей остановке, если не возражаете. Чего уставились? – разозлился он. – В порядке я, слепые, что ли, нервы, как канаты...

– Понимаем, Гриша, – кивнул Глеб. – Рано умирать, ты еще не сформировался как личность. И все же будь осторожнее, мало ли что...

Погуляли на славу. Все целы, не считая Гришиного уха. Избитых мародеров собрали в кучу, покойника бросили туда же. Глеб отзвонился в штаб, попросил прислать машину «Скорой помощи» с зарешеченными окнами и какой-нибудь «мусоровоз» для транспортировки мертвой органики. Банду ликвидировали, и настроение поднялось. Война идет в «богоспасаемой» Украине, и какая только муть не всплывает на поверхность под видом преданных сторонников самопровозглашенных республик. Погуляли действительно достойно – весь двор был залит кровью. Ополченцы уже успокоились и начинали позевывать. Гриша залепил оторванную мочку уха пластырем и неплохо себя чувствовал. Он посматривал на часы – суточное дежурство подходило к концу, пора на базу. На крыльцо с неуверенной улыбкой выбирался директор супермаркета. Его подталкивала в спину сотрудница в рабочем халате.

– Это самое, товарищи... – Федор Савельевич выразительно поглядывал на распахнутое чрево микроавтобуса, забитое коробками. – Это, собственно говоря, наш товар, его хотели конфисковать...

– Сами разгружайте, – улыбнулся Глеб. – Или нам предлагаете за вас это сделать? Да лишнего не возьмите. Эти ребята сегодня утром не вас одних обнесли...

Телефонный звонок похоронил благородные планы вернуться на базу и хорошенько отдохнуть. То, что работала сотовая связь, – это хорошо. То, что звонили все, кому нечего делать, – это плохо. Эфир напряг ломающийся баритон дежурного по комендатуре капитана Воскресенцева. Он чихать хотел, что у спецназовцев, прикомандированных к комендантской роте, по плану «тихий час». Битое утро с ним пытается связаться начальник разведки Северодонской группировки ополчения майор Литвинец! Где его носит? Если отозвался, значит, жив, почему не отзывался раньше? Действительно, в телефоне было два пропущенных вызова. Не услышал и не почувствовал. Можно подумать, он пескарей таскал! И не с женщиной испытывал на прочность двуспальную кровать!

– Извини, Глеб, понимаю, что ты на службе, – сменил тон дежурный. – Но с меня уже всю стружку сняли, а я лицо, нисколько не заинтересованное в твоих теплых отношениях с

начальством. Так что будь добр, отдери свою задницу от того, куда она там прилипла, и дуй в штаб.

– Ладно, – проворчал Глеб. – Будет время, забегу. Надоел ты мне, Воскресенцев... – в сердцах бросил он. И вдруг взорвался: – Ты уже выслал «Скорую» и труповоз к магазину «Добрыня»?!

После объявления февральского перемирия на всем протяжении северо-западного участка фронта наблюдалось подозрительное затишье. Временами оно нарушалось – и враждующие стороны уничтожали друг друга из гаубиц, полковых минометов, танков, систем залпового огня, самоходных артиллерийских установок. «Отвод» тяжелой техники от линии разграничения был в самом разгаре – на бумаге и в рапортах он шел с опережением графика. На деле не выводилось ничего, а если и совершались показательные акции (обязательно с привлечением журналистов), то это была лишь пыль в глаза. Огневая мощь сохранялась с обеих сторон и периодически давала о себе знать. Обстрелам подвергались позиции войск, инфраструктура, промышленные предприятия, концентрация которых в этом районе была высокой. Снаряды попадали в жилые дома, взрывались на улицах городов и поселков. Гибли и калечились люди. Обе стороны привычно обвиняли друг друга в нарушении режима прекращения огня. Евросоюз ужесточал санкции против России. Россия пополняла «черные списки», расширяла для европейских производителей продуктовое эмбарго. В войсках, стоящих на линии соприкосновения, производилась ротация – подразделения «ветеранов» заменялись свежими, уводилась в тыл для ремонта неисправная техника, а на опустевшие позиции тут же подтягивалось свежее вооружение. Временами случалось, что последствия «перемирия» были тяжелее, чем во время полноценной войны. От губительных артобстрелов обе стороны несли тяжелые потери, госпитали были забиты ранеными. Северо-западное направление фронта удерживала Северодонская группировка ополчения со штабом в городе районного значения Северодоне. Войска группировки контролировали не менее десятка прифронтовых населенных пунктов, всю инфраструктуру района. Направление считалось важным – как для обороны, так и для наступления, вероятность которого никогда не исключалась. Линия фронта была извилиста, напоминала ползущую змею и периодически менялась. В начале мая украинские войска оставили горняцкий поселок Знаменское – оборонять его не было смысла ввиду нависшего над поселком танкового батальона майора Дерябина. В случае наступления «боевиков» поселок отрезался за полчаса, и вся трехтысячная группировка благополучно гремела в «котел». Силовики отошли. Поселок заняли ополченцы, и штабистам обеих сторон пришлось лихорадочно править оперативные карты. Через несколько дней аналогичная опасность, но уже с другой стороны, нависла над деревней Красный Мост, через которую проходила ветка железной дороги. После ожесточенной артиллерийской подготовки в атаку бросился на бэтэрах штурмовой мотопехотный батальон украинской моторизованной бригады – наиболее подготовленное и мотивированное подразделение. Часть атакующих зашла ополченцам в тыл, отрезала фланги. Деревню удерживали полсотни ополченцев с САУ и двумя танками «Т-64». Технику потеряли в первые минуты боя. Вырваться из окружения не удалось. Свои на помощь не пришли – ввиду внезапности нападения, отсутствия информации и грамотно сработавших предателей, отрубивших связь. Погибли все пятьдесят, забрав с собой на тот свет примерно столько же силовиков. Деревню сровняли с землей – слава богу, местные жители заблаговременно ушли. Несколько суток над деревней веял зловонный дым. Занявшим Красный Мост силовикам пришлось разбивать палаточный лагерь в чистом поле. Сто погибших с обеих сторон стали бессмысленной жертвой. Объект не имел ни тактического, ни стратегического значения. Использовать железнодорожную ветку было невозможно – мост тремя километрами южнее все равно был разрушен, что стало «приятным» сюрпризом для командования АТО. И вновь штабной люд переписывал

карты. Брать обратно деревню ополченцы не стали, не стоило оно того. Зато украинская армия праздновала победу, воспользоваться плодами которой все равно не могла...

До войны в Северодоне обитало тридцать тысяч населения. К маю осталось не больше пяти – пенсионеры, малоимущие и самые отчаянные. Городок обстреливали из всех видов оружия несколько раз – последствия обстрелов ужасали. Дорога была свободна в оба конца. Глеб ехал на «Ниве» мимо пустующих зданий, мимо пыльных лип и тополей, обросших к середине мая полноценной листвой. Прохожие попадались редко, и те жались к стенам – жизнь научила безопасному передвижению по городу. В феврале здесь не только взрывались мины и снаряды. Несколько раз в Северодон проникали диверсанты и крупно пакостили, выдавая себя за ополченцев. Апофеозом их деятельности был расстрел из «АГС-17» школьного автобуса и минометная атака на скопление гражданских лиц, ожидающих получение гуманитарного пайка. Штаб группировки располагался в катакомбах под руинами цехов механического завода и покореженных порталных кранов. Глеба знали в лицо, бойцы на контрольных постах его пропускали беспрепятственно. Он спустился по пандусу в подземный цех, приткнул машину на свободном пятачке между штабелями дровотары и каким-то футуристическим симбиозом из джипа, мотодрезины и легкого гусеничного тягача. Подобные монстры в этой «стране великих возможностей» уже не удивляли – пейзаж давно превращался в апокалиптический. Дальше пришлось идти пешком – по затяжным переходам и винтовым лестницам. В штабе кипела работа – люди в защитном и штатском сновали, как муравьи. Широким шагом, хмурая брови, шел по коридору легендарный командир ополчения с позывным Вано – брутальный тип с выдающимся носом. За ним вышагивали телохранители. Глеб посторонился и с невольным пиететом посмотрел ему вслед. Еще бы не быть таким мрачным. Вчера тебя опять убили. На этот раз взорвали вместе с автомобилем и кучей охраны! Хочешь не хочешь, а настроение испортится. Украинские СМИ опять распространили радостную весть: погиб полевой командир боевиков с позывным Вано! Наконец-то! Порван на клочки мощным зарядом фугаса! Этого парня хоронили каждый месяц в течение года. И каждый раз он оказывался жив и охотно давал интервью журналистам, популярно объясняя, что слухи о его смерти несколько преждевременны и пора уже независимым СМИ перестать выдавать желаемое за действительное...

С командующим группировкой полковником Дмитриенко Павлом Николаевичем Глеб столкнулся на лестнице. Лихо козырнул:

– Здравия желаю, товарищ полковник. Вызывали?

– Нашлась пропащая душа, – беззлобно проворчал командующий – массивный, убедительный, с жесткой непокорной стрижкой, несколько дней назад разменявший седьмой десяток. – Вызывали, искали по всему городу с собаками... Литвинец хотел с тобой поговорить. Я бы тоже поговорил, но некогда, бегу.

– Проблемы, товарищ полковник? – Судя по озабоченному и вечно небритому лицу командующего, проблемы были не фатальные, но досадные. В общении с полковником Глеб Холодов мог позволить чуток вольности. Во-первых, ценный офицер, не раз спасавший со своим подразделением положение на фронтах. Во-вторых, отец Глеба в восьмидесятые служил с Дмитриенко под Баграмом и даже спас его от душманской пули. Дмитриенко – уроженец Херсона – дожил до рокового для Украины 2014 года, годом ранее выйдя на пенсию. Отец Глеба скончался в 2012-м – обычный пенсионер с оторвавшимся тромбом. Встретились на похоронах отца, познакомились. Выпускник Одесского военного училища, служивший в спецназе украинского Генштаба, уроженец Украины, этнический русский, Глеб был грамотным офицером. В боевых действиях тогда еще не засветился – не участвовала украинская армия ни в каких боевых действиях! Вторично встретились пять месяцев назад – Холодов командовал взводом ополчения, причем неплохо командовал. Полковник его узнал, и через месяц молодой офицер уже командовал ротой спецназа. «Надеюсь, ты не думаешь, что это продвижение по благу?» – спросил однажды Дмитриенко. «Отнюдь, товарищ полковник, – с улыбкой отозвался Глеб. –

Должность козырная, спору нет, но шансов героически умереть в разы больше, чем на предыдущей должности. Если это блат, то весьма странный».

– Проблемы, Глеб, – недовольно отозвался Павел Николаевич. – Мародеры и бандиты беспределничают, а местные кое-где обвиняют наших – кого-то убили, кого-то покалечили. Вот и должен лично заниматься этим сбродом. Если их не успокоить, то тут такое начнется... Нет у нас, Глеб, ни людей, ни возможности справиться с этим полукриминальным сбродом.

– Вот рапорт, товарищ полковник. – Глеб вынул из кармана сложенный вчетверо лист. – Недавно взяли. Это не махновцы, Павел Николаевич, а гораздо хуже. Прежде чем ехать, ознакомьтесь с рапортом. В нем каждое слово – правда. Я подробно изложил, с КЕМ столкнулся наш патруль, за что мы их избили, отправили за решетку, а одного прибили.

– Так это твоих рук дело, Холодов? – спросил командующий. Нахмурился, сосредоточенно уставился на сложенный лист. Потом пробормотал: «Едрить-копать, куда же катится эта страна?» Капитану Холодову Павел Николаевич верил. Знал, что врать тот не может патологически и на подлость не способен в принципе.

– Ладно, разберусь, тебе сейчас не до этого. Иди к Литвинцу. С ним Поповский и Басардин. Они имеют к тебе небольшое дело. Уж постарайся его выполнить. И береги себя. – Полковник по-отечески улыбнулся и похлопал Глеба по плечу – словно пыль выбил. После чего отвернулся и, не оборачиваясь, запрыгал по лестнице.

В кабинете (бывшей каптерке заводских кладовщиков) начальника разведки майора Литвинца Захара Георгиевича, помимо хозяина кабинета, находились еще двое. Рослый капитан Басардин – обладатель пытливых глаз и лица, похожего на кирпич. Он заведовал секретной частью, так называемым 5-м отделом. Подразделение занималось диверсиями в тылу врага и прочей «партизанской» деятельностью, в том числе работой с агентами – засланными и завербованными. В России этот парень работал в ГРУ, но о данном этапе своей биографии предпочитал помалкивать. Второй тоже дослужился до капитана, но внешность имел прямо противоположную. Капитан Поповский был невысок, имел ухоженные залысины и добрые глаза. На самом деле ничего доброго в нем не было. Капитан Поповский был хитрым, умным и за внешним добродушием прятал сложную и противоречивую личность. Работа к тому располагала. 6-й отдел штаба был аналогом СМЕРШа – занимался контрразведкой, борьбой с диверсантами и саботажниками в собственном тылу и внимательно, хотя и украдкой, следил за командирами и личным составом ополчения, выявляя вражеских агентов и предателей. Майор Литвинец курировал оба направления – что означало полное изматывание организма. Но сегодня он выглядел более-менее сносно, стоял возле карты, поигрывая указкой – сутулый, с седой шевелюрой, которую упорно не хотел состригать, в массивных очках на носу. Предыдущий начальник разведки погиб при обстреле колонны, когда выдвигался с охраной для дислокации местности. Снайпера поймали – он оказался снайпершей, гражданкой России, уроженкой Ульяновской области, имевшей разряд мастера спорта по биатлону и обиды на весь российский спорт и Россию в целом. Ее пристрелили на месте (и уже посмертно удостоверили личность) – дама реально оказалась бешеной собакой, брызгалась слюной, прокусила бойцу запястье – того пришлось откачивать и госпитализировать. Новый начальник разведки (как бы пенсионер, бывший начштаба парашютно-десантного полка) был неплохим человеком, быстро вошел в курс дела, к подчиненным относился ровно, без крайней нужды не матерился.

– Разрешите? – поинтересовался Глеб, входя в каптерку. Небрежно козырнул: – Командир разведывательно-диверсионной роты отдельного штурмового батальона специального назначения капитан Холодов по вашему приказанию... – Обвел глазами присутствующих и закончил: – Прибыл.

– Вот и хорошо, что прибыл, – проворчал Литвинец. – Мы думали, что не дождемся. Ты, Холодов, как Спаситель – являешься в крайне редких случаях.

– Виноват, товарищ майор. – Холодов не сдержался. – Буду являться чаще.

Капитан Поповский подавил зевету и как-то виновато глянул на Глеба, точно говоря: где же взять столько работы, чтобы целый день не спать? Капитан Басардин смотрел на Глеба с неясным вызовом. Глеб насторожился. Оглашается смертный приговор?

– Ладно, не торчи, как во время исполнения государственного гимна, – проворчал Литвинец. – Подойди. Смотри сюда. – Он ткнул указкой в топоним на карте с обозначением Северодон. – Это мы. Там, – указка нарисовала что-то похожее на облако в северо-западной дали, – позиции противника, которому плевать на минские договоренности, а надо срочно известить все оставшиеся после развала СССР снаряды и мины. Это Кошурово, где находятся наши склады и расквартирована танковая рота капитана Али-Бея. – Указка оторвалась от Северодона и уткнулась в точку севернее. – Вроде не близко от линии фронта, но последняя гуляет волнами, и вот отсюда. – Указка снова сместилась. – Противник регулярно подвергает Кошурово минометному обстрелу. Это проблема, капитан. Уже повреждены два «Т-64», с трудом ликвидирован пожар на складе – хорошо, что это был не арсенал; жертвы среди гражданских исчисляются десятками, несколько бойцов ополчения...

– Танки не могут дать отпор? – спросил Глеб.

– Это вежливые танки, – улыбнулся капитан Поповский.

– Танки могут дать отпор, – майор покосился на Поповского, – если противник находится в зоне прямой видимости. Местность на этом участке изрезана – лес, холмы, балки. Дорог практически нет. Танки могут бить только наобум. Координаты противника известны, но у нас в этом районе нет артиллерии, а у противника неплохие консультанты, и он грамотно использует складки местности. Это минометная батарея – вот здесь. Полковые «ПМ-120» образца 1944 года. Представляешь, какая древняя старина? И сколько заплесневелых мин осталось в украинских арсеналах? Эти штуки бьют почти на шесть верст, скорострельность 15 выстрелов в минуту. Их привезли три дня назад на «ГАЗ-66», и они уже начинают досажать. Бьют с небольшими интервалами. Нам приходится эвакуировать наше хозяйство с северной окраины Кошурова – до южной они, слава богу, не достают...

– Кажется, понимаю вашу мысль, товарищ майор, – кивнул Глеб. – Дополнительная информация имеется?

– Да, – подошел пружинящей походкой капитан Басардин, перехватил указку. – Вот это позиция минометной батареи в четырех километрах за лесополосой и деревней. Линия фронта в этом месте... гм, слегка не определена и плавает. По данным разведки, минометов шесть штук, они находятся в извилистой балке, по фронту прикрыты лесистым холмом. Координаты вам передадут, но, думаю, это не столь важно – найдете батарею по звуку. Укры расположились там надолго – позиции обустроены, защищены. Имеются землянки и пара блиндажей. «ГАЗ-66» замаскированы в ближайшем лесу. Батарейные расчеты – 18 человек. При батарее находится недоукомплектованный взвод Нацгвардии в количестве примерно 15 штыков. Полагая, по периметру выставлены посты, снять которые нужно в первую очередь. Все подразделение – добровольцы, то есть отморозки и фашисты. Кто командует отрядом, мы не знаем.

– Тебе, капитан, предстоит уничтожить батарею, службу и всю охрану, – сказал Литвинец. – И чтобы больше эта плесень тут не расползалась. Привезешь трофеи – хорошо, не привезешь – бес с ними. Пойдешь на двух БМП, собери команду человек двадцать. Пройдешь линию фронта – это не сложно, она – понятие «дырчатое». Напасть на батарею желательно с тыла...

– Линию фронта можно пройти вот здесь. – Басардин провел указкой по карте. – Мимо Заречья – оно заброшено, краем озера, по нейтральной полосе – и по балке в лес. БМП придется оставить... Хотя не нам тебя учить, капитан, ты человек опытный, сам решишь, как лучше. Леса там знатные, глухие, а чем дальше в лес... сам знаешь.

– Тем больше дровосеков, – подал голос капитан Поповский. – Со своей стороны, Глеб, сделаем все возможное, чтобы поддержать вашу акцию информацией. Знать о ней будем только мы и твоя группа. Не решил еще, с кем пойдешь?

– Двадцать человек – слишком жирно, – отозвался Глеб. – Где я их прятать буду? Одна «БМП-2», полностью исправная, с запасом горючего. Одну машину мы всегда сможем замаскировать в лесу или воткнуть в нее украинский флаг.

– Подожди, – нахмурился Литвинец. – В «БМП-2» три места для членов экипажа и семь для десанта... Вы что, на броне поедете?

– Ни в коем случае, – Глеб покачал головой. – Мои люди справятся с управлением машиной. Со мной пойдут десять бойцов. Влезут десять – войдут и одиннадцать. Не толстые, потеснятся. Потребуется ящик ручных гранат, два пулемета РПК, два гранатомета «РПГ-7» с пятью выстрелами на каждый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.